

Толстолицкий Владимир Юрьевич, Большакова Вероника Николаевна

ЗНАЧЕНИЕ ТЕОРИИ КОСВЕННЫХ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ ДЛЯ ВНЕДРЕНИЯ ИНФОРМАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ В РАССЛЕДОВАНИЕ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

В статье очерчены пути внедрения информационных технологий в уголовно-процессуальное доказывание. Изложены новые закономерности теории косвенных доказательств, относящиеся преимущественно к предмету криминалистики. Предлагается авторская концепция криминалистического смысла косвенных доказательств, в основе которой лежит числовая оценка условной вероятности версий. Приводится механизм использования компьютерного программного обеспечения в теории косвенных доказательств, а также в версии деятельности. В качестве примера рассматривается не имеющая аналогов компьютерная программа "Форвер".

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2014/11-2/42.html

Источник

Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2014. № 11 (49): в 2-х ч. Ч. II. С. 152-155. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2014/11-2/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net
Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: hist@gramota.net

ETHNOGRAPHICAL STUDIES OF THE YUKAGHIR PEOPLE IN THE FIRST HALF OF THE XX CENTURY**Suleimanov Aleksandr Al'bertovich**, Ph. D. in History*Institute of the Humanities and Indigenous Peoples of the North of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences
alexas1306@gmail.com*

The article on the basis of the analysis of archival material and published sources for the first time tries to reconstruct the history of implementing ethnographical initiatives in the areas of the compact settlement of the Yukaghir people in the period of the 1900-1940s. Accordingly, the paper describes the themes and basic areas of the identified studies. The author emphasizes the most important conceptions developed by researchers on the problems of the settlement of this nation, its material and spiritual culture, physical and anthropological characteristics and interethnic relations. The paper identifies the role of the investigated initiatives in developing scientific knowledge about the Yukaghirs.

Key words and phrases: the Arctic; Yakutia; Academy of Sciences of the USSR; the Yukaghir people; indigenous peoples of the North; scientific expeditions.

УДК 343.98

Юридические науки

В статье очерчены пути внедрения информационных технологий в уголовно-процессуальное доказывание. Изложены новые закономерности теории косвенных доказательств, относящиеся преимущественно к предмету криминалистики. Предлагается авторская концепция криминалистического смысла косвенных доказательств, в основе которой лежит числовая оценка условной вероятности версий. Приводится механизм использования компьютерного программного обеспечения в теории косвенных доказательств, а также в версионной деятельности. В качестве примера рассматривается не имеющая аналогов компьютерная программа «Форвер».

Ключевые слова и фразы: косвенные доказательства; версии; корреляционные связи; информационные технологии; компьютерная программа «Форвер».

Толстоуцкий Владимир Юрьевич, д. мед. н., профессор**Большакова Вероника Николаевна***Волжская государственная академия водного транспорта
tolvlad@yandex.ru; 05veronika@gmail.com***ЗНАЧЕНИЕ ТЕОРИИ КОСВЕННЫХ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ ДЛЯ ВНЕДРЕНИЯ
ИНФОРМАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ В РАССЛЕДОВАНИЕ ПРЕСТУПЛЕНИЙ[©]**

Внедрение информационных технологий в уголовное судопроизводство вызвало необходимость совершенствования как теории уголовно-процессуальной науки, так и криминалистики. Не избежала этого влияния и теория косвенных доказательств, которая справедливо занимает центральное место в науке уголовного процесса.

Теория косвенных доказательств в уголовном процессе была сформулирована в публикации 1956 года А. И. Винбергом с соавторами. В монографии указывалось: «Косвенные доказательства – это те, которые прямо и непосредственно главного факта не доказывают, а устанавливают лишь различные частные обстоятельства, отношение которых к делу не очевидно и может быть выявлено лишь посредством тщательного анализа их природы и существа и сопоставления с другими такими же обстоятельствами» [3, с. 7]. Опираясь на это определение, авторы правильно отмечали, что значение косвенных доказательств резко возрастает при отсутствии у следствия прямых доказательств, как, например, это бывает на первоначальном этапе расследования преступлений, совершенных без очевидцев.

Большинство ученых считают, что деление на прямые и косвенные доказательства не умоляет значения косвенных доказательств для расследования и раскрытия преступлений, и данная классификация не есть деление на лучшие и худшие доказательства. Считается лишь, что путь доказывания посредством косвенных доказательств более сложен. Как указывает В. А. Лазарева, «связь косвенного доказательства с делом может оказаться случайной, видимой, маловероятной» [6, с. 232]. Авторы комментария УПК РФ предупреждают о том, что при использовании косвенных доказательств следует быть более осмотрительными. Выводы о виновности или невиновности подозреваемого в совершении преступления возможно сделать лишь при наличии «достаточной совокупности доброкачественных и непротиворечивых косвенных доказательств». Доброкачественными могут служить те доказательства, которые получены из законных источников и с соблюдением процессуального порядка их получения [4, с. 243].

Новым этапом в формировании теории косвенных доказательств стало выделение криминалистики из уголовно-процессуальной науки и превращение ее в самостоятельную дисциплину. Это привело к тому, что категория «косвенные доказательства» стала рассматриваться как понятие исключительно процессуальное,

в результате чего криминалистическая сторона теории косвенных доказательств постепенно отошла на второй план и закономерно была забыта сначала в криминалистике, а затем и в уголовном процессе. Даже в монографии 1969 года Р. С. Белкина и А. И. Винберга последний, будучи соавтором рассматриваемой теории, практически не обращается к проблеме косвенных доказательств. Более того, единственное найденное нами упоминание косвенных доказательств в этой публикации вызывает лишь недоумение: «Чтобы уяснить содержание косвенного доказательства, требуется познать содержание других доказательств...» [1, с. 96]. Такое понимание противоречит публикации 1956 года, поскольку в ней смысл косвенных доказательств определялся в первую очередь их связью с главным фактом. Нам кажется бессмысленным заниматься «уяснением содержания косвенного доказательства» через их совокупность, если не соотносить каждое из них по отдельности и всю совокупность с главным фактом. На эту связь в свое время прямо указывали авторы теории косвенных доказательств: «Количество косвенных улик должно быть таким, чтобы составленные из них ряды доказательств с достаточной убедительностью подтверждали каждый элемент искомого факта в отдельности и искомый факт в целом» [3, с. 49].

Вместо сопоставления с главным фактом Р. С. Белкин и А. И. Винберг, раскрывая свои представления о косвенных доказательствах, мыслят как криминалисты и сводят косвенные доказательства к установлению материальных следов и версионной деятельности. Тем самым весьма туманной остается криминалистическая сторона теории косвенных доказательств. В подтверждение нашей оценки можно привести следующее утверждение авторов: «Например, для того, чтобы установить содержание такого факта, как обнаружение петли на трупе, необходимо исследовать содержание других доказательств: факт самого обнаружения трупа, факт наличия или отсутствия на трупе странгуляционной борозды и т.п. Только после этого можно определить содержание факта обнаружения петли на трупе: была ли петля средством самоубийства, или средством инсценировки самоубийства, или средством убийства» [1, с. 196].

Анализируя приведенное высказывание, выделим в нем два интересующих нас аспекта. Во-первых, полагаем, что неоправданное дробление результатов осмотра трупа (петля на трупе и странгуляционная борозда) приводит к утрате самого понятия косвенного доказательства. В данном случае косвенным доказательством главного факта должна считаться причина смерти: асфиксия от сдавления петель. Именно она становится основанием для выдвижения версий: убийство и самоубийство. Версия инсценировки в данном случае подразумевает иную причину смерти, поскольку цель инсценировки – скрыть истинную причину смерти. Главным фактом тут выступает убийство – причинение смерти другому человеку. Во-вторых, не учитывается, как нам кажется, основное положение, раскрывающее криминалистический смысл косвенных доказательств: каждое из них становится основой нескольких версий. Поэтому только их совокупность, а точнее, система косвенных доказательств, позволяет достоверно доказать главный факт, которым для рассмотренного примера является совершение убийства.

Даже беглое сопоставление исходного варианта теории косвенных доказательств с последующими публикациями на эту тему позволяет считать, что монография 1956 года, во-первых, представляет собой историческую веху в развитии отечественной науки (наук уголовного процесса и криминалистики); во-вторых, относится к разряду работ, в которых изложена концепция, адекватно увязывающая предметы двух указанных наук; в-третьих, как работа, внесшая существенный вклад в общую теорию криминалистики и криминалистическую методологию расследования отдельных видов и групп преступлений.

Оценив положительно работу в целом, рассмотрим с точки зрения криминалистики некоторые представленные в ней частные вопросы, требующие пересмотра в связи с внедрением информационных технологий. Уточняя криминалистический аспект своей работы, авторы определяют косвенные доказательства в терминах причинно-следственных связей. При этом они полагают, что данный аспект проблемы выражает сущность косвенных доказательств. «Связь, – пишут авторы теории косвенных доказательств, – между каждым из них (*косвенным доказательством* – В. Т.) и главным фактом не есть очевидная, единственно возможная связь, обуславливающая их существование, но одна из нескольких объективно возможных связей. Рассмотрение изолированно частного факта позволяет прийти к выводу лишь о том, что он, возможно, является либо причиной, либо условием, либо следствием главного факта» [3, с. 36]. В данном высказывании криминалистический аспект проблемы косвенных доказательств выражается упрощенно: совершенное преступление рассматривается как материальный, объективно существующий процесс, представленный в уголовно-процессуальном доказывании частными фактами, связанными между собой причинно-следственными связями. Можно согласиться с авторами в том, что частные факты не изолированы от других материальных процессов, поэтому в системе их связей интересующая нас связь с главным фактом оказывается не единственной. Такая форма связи получила в криминалистике название корреляционной. Отметим, что так называемая «однозначная» причинно-следственная связь, представляет собой частный случай связи корреляционной. Таким образом, понятие корреляционной связи позволяет обобщить представление об однозначной причинно-следственной связи.

Предлагаемый нами переход к обобщенному понятию необходим по той причине, что познание интересующих нас взаимосвязей целесообразно вести от общего к частному. То есть сначала установить корреляционные связи, а затем конкретизировать их для данного случая в виде однозначных причинно-следственных отношений. Такой подход полностью совпадает с криминалистической идентификацией, в которой познание движется от установления групповой принадлежности к индивидуальному тождеству.

Изложенная нами логика познания ставит в центр внимания корреляционные связи, оказывающиеся необходимым промежуточным средством всей процедуры собирания доказательств. По этой причине, возникает необходимость разработки средств познания корреляционных связей.

Мы предлагаем рассматривать корреляционные связи через призму теории вероятностей. В теории вероятностей одним из базовых понятий является понятие условной вероятности, обозначаемое символически: $p(A/B)$.

Математическое выражение $p(A/B)$ обозначает вероятность «р» события «А», рассчитанную при условии, что событие «В» наступило. Понятие $p(A/B)$ позволят представить причинно-следственную связь однозначного характера в виде корреляционной связи. В условной вероятности наступившее событие «В» можно считать «причиной», а событие «А» – «следствием». Если вероятность события А не меняется при наступлении события В, то связи между ними нет. Если событие А всегда наступает после события В, то такую связь можно считать однозначной причинно-следственной.

Выделим два основных достоинства такого подхода. Во-первых, он имеет количественную основу и позволяет всегда рассчитать условную вероятность наступления события «А» в ситуации, когда известно о наступлении события «В». Во-вторых, в центре внимания ставится связь между событиями А и В. Сила этой связи измеряется величиной вероятности «р», которая меняется от 0 (невозможное событие) до 1,0 (достоверное событие).

Если под событием «А» понимать главный факт, то возникает возможность установить перечень частных фактов ($B_1, B_2, B_3, \dots B_n$), и оценить этот комплекс с количественной точки зрения, обеспечивая его вероятность такой, которая максимально приближается к достоверности: $p(A/(B_1, B_2, B_3, \dots B_n))=1,0$.

При кажущейся сложности математического подхода, наша позиция представляет собой формализованное выражение общепризнанных положений, приводимых в литературе по уголовно-процессуальному доказыванию. В качестве примера аналогичных по содержанию высказываний можно привести две выдержки из диссертации И. Н. Макогона. Первая приводится нами потому, что автор в ней рассматривает критерий достаточности косвенных доказательств, указывая фактически не что иное как вероятностные характеристики последнего: «Представляется, что необходимым объективным критерием достаточности косвенных обвинительных доказательств является такая система улики и их комплексов, которая обладает качествами и свойствами, исключающими вероятность случайного совпадения улики по причинам, не связанным с расследуемым событием, с действиями обвиняемого...» [7, с. 84]. Вторая выдержка содержит мысль того же автора о необходимости пересчета вероятности доказываемого события: «...косвенное доказывание включает в себя накопление улики, в итоге которого вероятность переходит в достоверность» [Там же, с. 82]. В теории вероятностей переход вероятности в достоверность осуществляется математическим пересчетом вероятности наступления доказываемого события, например, с помощью теоремы Байеса.

Обратим внимание на совпадение других положений теории вероятностей и теории косвенных доказательств. В математической теории вероятностей указывается, что события ($B_1, B_2, B_3, \dots B_n$) должны представлять собой независимые события. В теории косвенных доказательств, поддерживая позицию А. А. Эйсмана, И. Н. Макогон утверждает необходимость такого же подхода при создании параллельного комплекса улики: «... содержанием такой системы доказательств является несколько независимых параллельных друг другу линий (показаний) с совпадающим содержанием, оканчивающихся в одной общей точке (общим выводом). Подобная система доказательств в науке получила название параллельного комплекса, то есть комплекса, в котором группируются независимые друг от друга, одинаковые по содержанию (параллельные) косвенные обвинительные доказательства» [Там же, с. 89].

Для того чтобы показать практическую осуществимость и значимость использования понятий теории вероятностей в уголовно-процессуальном доказывании, рассмотрим компьютерную реализацию вышеприведенной теории.

В качестве первого шага для реализации поставленной цели нами создана компьютерная программа «Форвер» (формирование версий), которая рассчитывает корреляционные связи и условные вероятности между признаками криминалистической характеристики преступлений [9]. Криминалистическая характеристика в данной программе выступает в качестве электронной базы данных ранее раскрытых уголовных дел. Несмотря на то, что представление о корреляционных связях в криминалистике сформировалось более 30 лет назад, прогресса в их установлении без использования теории вероятностей не было. До наших исследований не были предложены методы расчета таких связей. К вышеприведенным положениям, раскрывающим уголовно-процессуальное и криминалистическое содержание условной вероятности, добавим следующее. Найденное нами решение проблемы заключается в том, что корреляционная связь между криминалистически значимыми признаками рассматривается как состоящая из двух связей: прямой и обратной. Такой подход позволяет не только использовать понятие условной вероятности, но обеспечивает конкретизацию внутри корреляционной связи, влияние одного признака на другой. Как правильно было указано А. А. Эйсманом, главный факт может выступать причиной, следствием, условием появления частных фактов. На начальном этапе расследования еще не ясно, что является причиной, а что следствием в этой связи. Кроме того, учитывая ретроспективный характер познания в уголовном процессе, расследование всегда начинается с познания следствий, через которые познается причина. В связи с этим требуется иметь инструмент познания, позволяющий менять местами события А и В, представляя сначала одно причиной второго, то есть рассчитать $P(A/B)$, а потом, наоборот, рассчитать $P(B/A)$. Одной из практически значимых трактовок такого подхода становится отнесение одного из событий, например «В», к известным, то есть наступившим, а другого, событие «А», – к событию, которое еще требуется установить, – версии. Тогда расчет вероятности $p(A)$, при условии события «В» есть расчет вероятности версии «А» при условии известных фактов $p(A/(B_1, B_2, B_3, \dots B_n))$.

Созданная нами компьютерная программа «Форвер» позволяет рассчитать условную вероятность версии (не наблюдаемого признака) на основании установленных фактов. Кроме того, программа позволяет использовать обратную связь: взять за основу какую-либо версию и рассчитать условную вероятность появления признаков (следов), которые (при их обнаружении) подтверждают эту версию [8]. В качестве версии выступает поисковый портрет преступника, являющийся ориентиром для деятельности следственной группы [2, с. 35]. Для расчета указанных вероятностей используется база данных раскрытых уголовных дел. В основе методики

расчета лежит понятие частотной вероятности [5]. В число методов использования программы включен расчет условных вероятностей на основе теоремы Байеса. От следователя требуется формализовано описать место происшествия и следы преступления, что достигается заполнением предлагаемых программой полей ввода данных.

Таким образом, благодаря расчетам в компьютерной программе у следователя появляется перечень всех возможных версий по субъекту преступления, причем указаны их значения в численном выражении по степени убывания вероятности каждой из них. Подчеркнем, что выбор основных версий, подлежащих проверке в первую очередь, а также планирование расследования всегда остаются за следователем. Программа «Форвер» может быть представлена как удобное средство для раскрытия и расследования преступлений, действующее наряду с опытом и интуицией следователя. Для более эффективной работы программы по конкретному делу уголовные дела, составляющие базу данных, должны соответствовать данному региону, данному виду и группе преступлений.

С точки зрения криминалистической методологии, на которой создана программа «Форвер», можно сказать, что она представляет собой развитие положений, первоначально сформулированных в теории косвенных доказательств. В условиях проникновения в криминалистику информационных технологий существенно возрастает значение совершенствования самой теории косвенных доказательств, поскольку компьютерные программы выступают лишь средством развития уголовно-процессуальной науки и криминалистики. Установление преступника и доказывание его виновности составляют основу главного факта, поэтому программа «Форвер» может рассматриваться как средство совершенствования не только версионной деятельности, но и практики доказывания с помощью косвенных доказательств. Тем самым применение программы становится одним из путей внедрения информационных технологий в уголовно-процессуальное доказывание. Выдвинутые нами предложения раскрывают новые закономерности теории косвенных доказательств, несмотря на то, что они, как может показаться, относятся преимущественно к предмету криминалистики. Основанием для такого вывода является сформулированное нами положение, заключающееся в том, что за каждым комплексом косвенных доказательств стоит система криминалистических версий. Использование теоремы Байеса позволяет пересчитывать вероятность версий по мере установления новых фактических данных, а также оценить достаточность того или иного комплекса косвенных доказательств для доказывания обстоятельств, подлежащих доказыванию. Использование вышеуказанных математических методов обосновано совпадением в оценке достоверности вывода, полученного субъектом познания, подходов, разработанных в теории косвенных доказательств и математической теории вероятностей.

Список литературы

1. **Белкин Р. С., Винберг А. И.** Криминалистика и доказывание (методологические проблемы). М.: Юридическая литература, 1969. 216 с.
2. **Большакова В. Н.** Дидактические аспекты преподавания темы «Информационные технологии в криминалистической методике расследования убийств» // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2013. № 11 (37). Ч. 2. С. 33-35.
3. **Винберг А. И., Миньковский Г. М., Рахунов Р. Д.** Косвенные доказательства в советском уголовном процессе. М.: Госюриздат, 1956. 218 с.
4. **Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации** / науч. ред. В. Т. Томиш, М. П. Поляков. Изд-е 7-е, перераб. и доп. М.: Юрайт, 2014. 1087 с.
5. **Компьютерная программа формирования следственных версий и учебно-методический комплекс, обеспечивающий ее изучение и использование в раскрытии убийств** [Электронный ресурс]. URL: http://www.unn.ru/law/index.php?option=com_content&view=article&id=336&Itemid=278 (дата обращения: 24.09.2014).
6. **Лазарева В. А.** Доказывание в уголовном процессе: учеб.-практич. пособие. Изд-е 4-е, перераб. и доп. М.: Юрайт, 2013. 359 с.
7. **Макогон И. Н.** Обоснование вины подозреваемого путем построения комплексов улики: дисс. ... к.ю.н. Самара. 2006. 183 с.
8. **Толстолюбский В. Ю., Кузенкова Г. В.** Обучение выдвижению версий на криминалистическом полигоне с помощью компьютерной программы «ФОРВЕР» // International Journal of Open Information Technologies. 2014. Т. 2. № 1. С. 23-31.
9. **Толстолюбский В. Ю., Рыбочкин А. В.** Программа формирования следственных версий (ФОРВЕР Следователь). Свидетельство о государственной регистрации программы для ЭВМ № 2013660539. Дата регистрации 08.11.2013.

IMPORTANCE OF THEORY OF INDIRECT EVIDENCES FOR IMPLEMENTING INFORMATION TECHNOLOGIES IN INVESTIGATION OF CRIMES

Tolstolutski Vladimir Yur'evich, Doctor in Medicine, Professor
Bol'shakova Veronika Nikolaevna
Volga State Academy of Water Transport
tolvlad@yandex.ru; 05veronika@gmail.com

The article introduces the means for implementing information technologies in procedural-criminal proving. The authors describe new regularities of theory of indirect evidences related basically to the subject of criminalistics. The researchers suggest their own original conception of the criminalistics meaning of indirect evidences resting on the numerical estimate of the conditional probability of versions. The paper presents a mechanism for using computer software in theory of indirect evidences and in version activity. The authors examine the computer program «Forver» as an example.

Key words and phrases: indirect evidences; versions; correlated relations; information technologies; computer program «Forver».